

УДК 82.0:801.6

Г.А. Склейніс

ПРИРОДА АВАНТЮРНОСТИ В АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Аргументируется мысль о сложности авантюрной природы антинигилистического романа: беллетризация содержания, авантюрный характер эпохи, природа творческой индивидуальности, жизненный опыт.

Разговор о причинах использования и особенностях бытования в антинигилистической романистике авантюрного начала мы считаем необходимым предварить, прокомментировав соотношение таких понятий, как «беллетристика» и «антинигилистическая романистика».

Слова «беллетристика» до сих пор употребляется литературоведами в различных значениях. Так, в монографии Г.Е. Тмарченко, судя по оценочному контексту его высказываний, понятием «беллетристический» характеризуется не только сомнительное литературное качество («подобные беллетристы», «поток беллетристических произведений» применительно к антинигилистическому роману), но и любое художественное произведение в противовес публицистическому (например, характеристика «Идиота» как «беллетристического замысла» – замысла романа» [6, с. 271, 273, 332 и др. Курсив Г.Е. Тмарченко].

Мы в своей работе исходим из наиболее распространенного понимания термина «беллетристика», сложившегося в русском литературоведении еще в литературно-критических статьях В.Г. Белинского. В докторской диссертации, посвященной русской беллетристике 30-40 годов XIX века, Н.Л. Вершинина дает следующее определение данному понятию: беллетристика занимает «промежуточное, пограничное положение между высоким искусством и эмпирией жизни: с одной стороны, как сфера недо-развившаяся до подлинного «художества», с другой – как явление, «перекрывающее» его конгломерирующей эстетикой и быт, всечеловеческой широтой» [2, с. 3]. Авторы беллетристических произведений – это не гении, но таланты, которые «достаточно профессиональны, чтобы вменять литературному творчеству определенные жанры и стили» [2, с. 6. Разрядка Н.Л. Вершининой]. В.Е. Хализев, также считающий беллетристику «срединным пространством литературы», подчеркивает ее принципиальное отличие от литературного «низа» («чтива»), признавая в то же время ценностную неоднородность беллетристических произведений» [7, с. 151-152].

Одной из актуальных, интересных и малоизученных литературоведческих проблем является проблема интериоризации (освоения) русской литературной беллетристики. Цель данной работы – выявить главные истоки обращения ее авторов к авантюристике.

При анализе разнородной антинигилистической романистики (В.П.Клюшников, Н.С.Лесков, В.В.Крестовский, И.С.Тургенев) мы пришли к выводу, что понятие «беллетристика» следует использовать не только для «качественной» оценки литературы второго ряда, но и для характеристики жанровых установок писателей-классиков, учитывающих читательские ожидания и сознательно «беллетризующих» свое творчество, ориентируясь как на «своего», так и на массового читателя.

Мы несколько раз употребили два однокоренных слова, «беллетристика» и «беллетризация», связывая с ними близкие, но не тождественные понятия. Если бел-

летристика – это понятие прежде всего качественное, характеризующее масштаб писательского таланта, то «беллетризация» – это понятие жанровое, а точнее, связанное с учетом жанровых ожиданий читателя.

Предвосхищать жанровые ожидания читающей публики стремятся (или вынуждены) писатели разного творческого уровня. Интересно, что эти ожидания могут носить противоположный характер. Объясним, *что* мы имеем в виду.

В.Е. Хализев дифференцирует беллетристику не только по художественному качеству, но и по ведущей установке, выделяя две ее ветви: серьезно-проблемную и развлекательную. Наиболее значима, с его точки зрения, первая ветвь – «круг произведений... обсуждающих проблемы своей страны и эпохи, отвечающие духовным и интеллектуальным запросам современников, а иногда и потомков». Развлекательная же беллетристика создается «с установкой на... *легкое* и *бездумное чтение*... тяготеет к «формульности» и авантюристике [7, с. 152-154] (курсив В.Е. Хализева).

Общественная функция беллетристики выдвигается на передний план в 40-е годы XIX века, в период активного развития беллетристической литературы. Это находит отражение в ряде работ В. Г. Белинского. Так, в статье «Опыт истории русской литературы» (1845) критик утверждает, что беллетристические произведения «необходимы и благодетельны... Они – искусство толпы; без них толпа была бы лишена благодетельного искусства. Сверх того, в беллетристике выражаются потребности настоящего, дума и вопрос дня, которых никогда не предчувствовала ни наука, ни искусство, ни сам автор подобного беллетристического произведения» [1; VII, с. 358].

Не оспаривая мнения Н.Л. Вершининой об односторонности этой трактовки, «завышающей» оценку беллетристики, стремящейся «совместить общественную и эстетическую функцию беллетристической литературы в одной концепции» [2, с. 23], мы хотим сделать акцент на заключительной фразе в процитированном отрывке, имеющей важное значение для нашего дальнейшего анализа. В. Г. Белинский обращает внимание на злободневность беллетристической литературы, выражающей «думу и запрос дня», причем часто это происходит помимо авторского намерения, в силу специфики беллетристики, которая, хотя и является «низшей» поэзией, но «имеет свои минуты откровения, указывая на живые потребности общества» [1; VII, с. 359].

Процитированное суждение актуально, на наш взгляд, и для беллетристической литературы 60 – 70-х годов XIX века. Однако «потребности настоящего» выражаются в ней не только более настойчиво, но и более сознательно, преднамеренно. Это можно объяснить сразу несколькими факторами: характером пореформенной эпохи, насыщенной важными внутри- и внешнеполитическими событиями; «взрослением» национального самосознания; ведущим типом писателя-беллетриста, который часто совмещал литературную деятельность с публицистической и редакторской.

Характеристика злободневной («серьезно-проблемной») беллетристики, указывающей на «живые потребности общества» [1; VII, с. 359], вполне может быть спроецирована на антинигилистический роман.

В 60-е годы XIX века тема нигилистического миропонимания становится особенно актуальной и вызывает особый интерес в самых широких читательских кругах. Антинигилистическая литература второго ряда, учитывая этот интерес, разрабатывает ставшую популярной и модной нравственно-философскую проблематику, однако использует для этого привычную развлекательную форму.

Большая литература, обратившаяся к антинигилистической проблематике, движется иным путем. Разрабатывая проблему нигилизма в ценностном аспекте, на высших ступенях «пирамиды тезауруса» [5, с. 48 – 49], она заботится об интериоризации серьезного содержания и намеренно «беллетризует» его, прокладывая, с помощью увлекательного авантюрного сюжета, путь к широкому читателю.

В антинигилистической беллетристике, серьезно-проблемной и развлекательной [6, с. 153-154], два этих начала, разнородных по своим установкам, соединяются. При этом вершинная литература и ее «срединное пространство» [5, с. 151] как бы движутся навстречу друг другу: беллетристика в доступной ей форме, по преимуществу авантюрной, пытается выразить «думу и вопрос дня» [1, VII, с. 358], а классическая литература с помощью авантюристичности прокладывает читателю путь к проблематике высших ступеней «пирамиды тезауруса» [5, с. 48-49], стремясь, как писал Л.П. Гроссман о Ф.М. Достоевском, «компенсировать читателю занимательной внешней интригой все утомительные напряжения его внимания над философскими страницами» [3, с. 17].

Почему путь к читателю лежит в антинигилистической прозе именно через авантюристичность?

Главная причина, на наш взгляд, кроется в представлении писателей об авантюрном характере своей эпохи и о политическом авантюризме лидеров революционного движения. Вторая причина тяги к авантюристичности – ориентация на определенную литературную традицию, – ориентация, отвечающая, в свою очередь, натуре и природе таланта, к примеру, В.В. Крестовского и Ф.М. Достоевского. Интригующие сюжетные перипетии, обольщение, подлог, провокация, уголовщина – все это за несколько лет до «Кровавого пуфа» можно найти в «Петербургских трущобах» В.В. Крестовского, созданных под влиянием «Парижских тайн» Э. Сю; сходный «набор» авантюрных атрибутов за десять лет до «Бесов» – в «Униженных и оскорбленных» Ф.М. Достоевского, вобравших в себя традиции того же Э. Сю, готической прозы Э.Т.А. Гофмана, романа «ужасов и тайн» А. Радклиф.

Сама трактовка Польского восстания как *кровавой авантюры* побуждает В.П. Ключникова, Н.С. Лескова, В.В. Крестовского «балансировать» между серьезно-проблемным и развлекательным началами, сообщая событиям в Польше, наряду с внешней занимательностью, героический и трагический ореол.

Так, на наш взгляд, происходит сочетание в пределах одной жанровой модификации – антинигилистического романа – двух разнородных по своим установкам беллетристических начал – серьезно-проблемного и развлекательного. Однако дело заключается не только в том, что авантюристичность – наиболее очевидный путь, которым реализуется установка на «легкое и бездумное чтение» [7, с. 154].

Кроме уже названных причин тяги к авантюристичности, можно назвать и ряд других. Укажем важнейшие, имеющие непосредственное отношение к жанровой природе антинигилистического романа и связанные с персональными моделями творчества писателей-«антинигилистов».

Авантюристичность, присущая эпохе, может удивительным образом отвечать натуре писателя, природе его творческой индивидуальности. Так, тяготение к авантюристичности, тайне, интриге, недосказанности характерно для творчества Ф.М. Достоевского и в 40-е («Неточка Незванова»), и в 60-е («Униженные и оскорбленные»), и в 70-е («Подросток») годы, хотя характер использования приемов авантюрно-бульварного повествования на протяжении его творчества трансформировался и усложнялся. Изображение же польской интриги в «Кровавом пуфе» В.В. Крестовского во многом подготовлено опытом «Петербургских трущоб», причем, в отличие от Достоевского, Крестовский в большей мере исходит, в одном и в другом романе, из собственного жизненного опыта (знакомство с жизнью уголовного Петербурга и с атмосферой в восставшей Польше). Жизненные впечатления, по-видимому, сыграли не последнюю роль и при включении уголовной сюжетной линии в роман А.Ф. Писемского «Взбаламученное море», в котором преломились «повседневные беззакония и бесстыдства» [4, с. 321] провинциальной жизни, открывшиеся А.Ф. Писемскому в годы службы чиновником особых поручений при костромском губернаторе.

Наконец, необходимо учитывать и литературные ориентации того или иного художника: сложное преломление сентиментальной и романтической традиций в творчестве Ф.М. Достоевского, следование В.П. Ключникова и В.В. Крестовского некоторым принципам типизации и сюжетным схемам исторического романа эпохи романтизма, для которого было характерно представление об историческом процессе как цепи политических интриг и т. д. Особенно очевидна, на наш взгляд, ориентация В.В. Крестовского на историческую романистику одного из зачинателей жанра исторического романа в русской литературе – Ф.В. Булгарина, широко использовавшего поэтику нравоописания, авантюрное начало и подчеркнутую документальность («Иван Иванович Выжигин», 1829 г.; «Мазепа», 1833-1834 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский, В. Г. Собрание сочинений: в 9 т./ В. Г. Белинский. – М., 1976-1982.
2. Вершинина, Н. Л. Жанровая и стилевая структура русской беллетристики 1830-1840 годов: Автореферат дис. ... д-ра филол.наук / Н. Л. Вершинина. – М., 1997.
3. Гроссман, Л. П. Поэтика Достоевского/ Л. П. Гроссман/ – М., 1925.
4. Лебедев, Ю. В. Алексей Феофилактович Писемский. Жизнь. Творчество. Литературная судьба / Ю. В. Лебедев //В середине века. Историко-литературные очерки. – М., 1988. – С. 314 – 331.
5. Луков, Вл. А. Теория персональных моделей в истории литературы / В. А. Луков. – М., 2006.
6. Тамарченко, Г. Е. Чернышевский – романист / Г. Е. Тамарченко. – Л., 1976.
7. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – М., 2005.

Skleynis G.A. The essence of the adventurousness in the antinihilistic novel

The essence of the antinihilistic novel is scrutinized in this article: peculiarities of the text's substance, an adventurous character of the epoch, the essence of the creative personality, an experience of life.